

СТАТЬИ

Е. М. ШТАЕРМАН

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИЧНОЙ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ
И АНТИЧНОГО ГОРОДА

Для историка-марксиста не подлежит сомнению, что характер античного города определялся характером античной формы собственности, т. е. единством и взаимообусловленностью коллективной и индивидуальной собственности, гражданского и владельческого статуса, отношением граждан друг к другу как политически и экономически равноправных собственников, участников управления общественными делами и воинов. Город-государство представлял собой их организацию, в одинаковой мере экономическую и политическую, так как в условиях, когда составлявший государство гражданский коллектив являлся собственником земли, государство само было важнейшим участником производственных отношений; его экономические и политические функции теснейшим образом переплетались и последние еще не выделились; так сказать, в чистом виде, как это имело место, например, при домонополистическом капитализме.

Такой характер античного города имел результатом как взаимообусловленность, двойственность экономических и политических связей между гражданами и государством, так и ту исключительную роль политической сферы во всех областях жизни, которая всегда отмечалась всеми исследователями античного мира. Отсюда же в конечном счете происходили и наиболее типичные, основные черты античной системы ценностей и жившей на ней античной культуры. Хотя античные города всегда были средоточием ремесла и торговли и в ряде случаев эти отрасли хозяйства приобретали самодовлеющее значение, базировались они в основном на землевладении, были в первую очередь организацией землевладельцев. Только владение землей обеспечивало социальный престиж, а в некоторых случаях (например, в городах Римской империи) и пассивное избирательное право, почему всякий мало-мальски обеспеченный торговец и ремесленник приобретал землю, что даже в периоды максимального расцвета ремесла и торговли постоянно восстанавливало землевладельческий характер города.

Античный город имел ряд черт, сближавших его с сельской общиной. И в том, и в другом случае коллектив сочленов являлся верховным собственником земли, составлявшей его территорию. Факт этот несомненен для общественной земли, но может считаться справедливым и для земли, находившейся в частном владении. Отсюда и право контроля над хозяйствованием отдельного собственника, и лежавшее в основе аграрных законов право государства перераспределять землю, и вообще убеждение, что народ данного города (а впоследствии император) является истинным собственником земли, предоставленной гражданам лишь в пользование. В античном городе, как и в общине, право на земельный надел и на пользование общественной землей обуславливалось принадлежностью

по рождению или с согласия коллектива владельцев к данной общине или городу. Наконец, в обоих случаях управление политической и экономической жизнью коллектива носило более или менее демократический характер, основываясь на принципе суверенитета народного собрания, т. е. собрания всех правоспособных владельцев, теоретически равных между собой. Органы управления города-государства — совет старейшин, выборные магистраты — генетически восходят к аналогичным органам общинного самоуправления, которые были оттеснены на задний план или деформированы в период господства родо-племенной знати, но затем восстановлены, развиты и усложнены в результате победы демоса или плебса.

Однако античный город имел и довольно существенные отличия от территориальной общины. Видимо, с самого начала элемент частной собственности был развит здесь в гораздо большей степени. Выражалось это не только, а может быть, и не столько в возможности более полного распоряжения наделом, его отчуждения в пользу другого гражданина, сколько в большей гарантированности владельческих прав.

Вообще, как известно, вопрос о собственности в древних обществах принадлежит к одному из самых спорных и темных. Можно ли прилагать здесь те критерии, которые сложились в современном праве? В какой мере следует учитывать правовые нормы и фактические отношения в тех обществах, о которых идет речь, и как соотносить их с нашими критериями? Можно ли считать собственность некоей общей для всех исторических периодов категорией, различающейся лишь по степени своего развития, или в каждой формации она представляет собой нечто особенное? Эти и другие связанные с ними вопросы еще не нашли однозначного решения и, естественно, не могут быть освещены в рамках настоящей статьи. Однако, по-видимому, можно полагать, что даже для римских юристов позднего времени, когда понятие собственности достаточно выкристаллизовалось, оно, в отличие от современных представлений, не связывалось непосредственно с правом отчуждения. Если право отчуждения и включалось в понятие собственности, то вместе с тем могло быть присуще и лицам, собственностью в полном смысле не обладавшим. Например, возможна была продажа участков земли, собственность на которые принадлежала не продающему, а государству, городу или частному землевладельцу и на которые продавец имел лишь те или иные владельческие права (см. Dig., XXI, 11; XIX, 1, 52). То же относится и к рабскому пекулю. Как известно, владевший им раб мог отчуждать входившее в пекулий имущество, вступая в соответственные сделки даже со своим господином, безусловным собственником пекулия. Основная разница состояла в степени гарантирования владельческих прав. Находившийся в чьей-либо собственности земельный участок или имущество свободного не могли быть легально отобраны без постановления суда или иного органа власти, тогда как рабский пекулий или надел, находившийся на государственной, императорской, частновладельческой земле, мог быть изъят по воле собственника. Видимо, такая гарантированность собственности гражданина исконно существовала в городе, что и обуславливало значение компонента частной собственности в том единстве частного и коллективного начал, каким являлась античная форма собственности.

Вторым, видимо, непосредственно связанным с предыдущим отличием античного города от общины было значительно более высокое общественное разделение труда, непрерывно прогрессирующее, что вело к интенсивному развитию обмена — от товарного обращения к товарному производству¹. С последним были связаны не только отделение земледелия от

¹ Различие, которое В. И. Ленин проводит между товарным обращением и товарным производством (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328), следует постоянно

ремесла и растущая дифференциация последнего, но и относительная специализация сельского хозяйства.

Наконец, важнейшим отличительным признаком античного города было его положение суверенного государства, тогда как сельские общины входили в то или иное государственное образование как его составная часть. На их положение неизбежно влияли общий характер системы, элементами которой они являлись, и связи с другими входившими в нее элементами. В таких системах неизбежно возникала многоукладность. Помимо общинной собственности там существовала и иная — царская, храмовая, частная или пожалованная на тех или иных условиях и т. д. с соответственно иными, чем в общине, отношениями, что не могло не оказывать значительного, часто деформирующего и разлагающего, влияния на общину. Напротив, античный город-государство был одноукладен. Здесь существовала только одна, античная, форма собственности, эволюционировавшая согласно ее имманентным закономерностям.

Характер античного города-государства и античной формы собственности обуславливал ряд определявших эти закономерности черт.

1. Прежде всего — двойственный характер связей — экономических и политических — между гражданином и гражданским коллективом, или государством. Внешнее выражение эти связи находили во взаимных обязанностях и правах гражданина и государства. Гражданин был обязан подчиняться не только в сфере чисто политической (соблюдение законов, участие в народном собрании, в военных действиях, отправление магистратур), но и руководствоваться общими интересами в хозяйственной деятельности. Его долгом было добросовестно возделывать свой земельный участок, который, по римскому закону, мог быть отобран у нерадивого владельца²; разумно управлять имуществом, дабы передать его наследнику приумноженным (бессмысленное расточительство тоже вело к лишению имущественных прав); предоставлять часть своего труда и дохода на коллективные нужды — общественные постройки, празднества, обеспечение города продовольствием, помощь неимущим, помощь соседям в трудоемких работах (последнее занимает важное место в цicerоновской шкале обязанностей)³; продавать основные продукты питания, и в первую очередь хлеб, по ценам, не выше установленных (Dig., XLVIII, 12; L. 4, 1; 18), и т. д.

Права граждан, опять-таки, помимо политических, т. е. участия в народных собраниях, выборе магистратов, проведении законов и т. п., носили и экономический характер. Важнейшим из них было право на обеспечение земельным участком или государственной субсидией, что должно было гарантировать хотя бы в принципе, минимальную экономическую, а следовательно, и политическую независимость, так как, по твердому римскому убеждению, не мог считаться полностью свободным, т. е. полноценным, гражданином тот, кто обеднел настолько, что вынужден работать на другого⁴. Сюда же относится право граждан пользоваться общественной собственностью, будь то *ager publicus* или доходы, прямо или косвенно получаемые благодаря победоносным войнам, за которыми следовали выведение колоний, раздачи, всевозможные операции на захваченных территориях, из которых извлекали выгоду многие граждане.

учитывать при изучении этой эволюции, чтобы, с одной стороны, иметь в виду ее направленность, с другой — не преувеличивать роли товарно-денежных отношений там, где речь может идти только о товарном обращении.

² «Римское частное право». М., 1948, стр. 183, 210.

³ Cicero. De offic., I, 18.

⁴ Например: Accius. Brut., fr. 40; Macrobius, Saturnalia, I, 8. Соответственно, свободные, служившие по найму, включались в фамилию нанятого и считались как бы находившимися на месте рабов (E. M. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 60—61).

Соответственно обязанность государства заключалась в том, чтобы различными мерами — колонизация, война, перераспределение земли и установление земельного максимума, раздачи, организации крупных общественных работ — обеспечивать граждан. Правом же его было не только в политической, но и в экономической сфере ограничивать отдельных граждан в интересах сохранения и функционирования гражданского коллектива в целом: проводить аграрные законы, регулировать торговлю, ограничивать затраты на роскошь, налагать повинности на имущих в пользу неимущих и т. п. В. И. Ленин определяет свободу гражданскую как свободу в делах личных, семейных, имущественных, а политическую свободу — как свободу народа распоряжаться общенародными, государственными делами⁵. Можно сказать, что граждане античного города в полной мере пользовались второй, тогда как первая была ограничена. Ярким выражением этого ограничения были, между прочим, функции римских цензоров.

2. Второе важнейшее следствие конституирования города-государства — уничтожение или значительное сужение возможностей эксплуатации сограждан. Отмена долгового рабства и запрещение порабощения сограждан исключали эксплуатацию их в качестве рабов. Политическая эмансипация клиентов знатных родов и широкое наделение земель неимущих значительно уменьшили значение эксплуатации клиентов-колонов, которая, видимо, играла большую роль в древнейшем Риме и, по крайней мере на первых порах, сократила число нанимавшихся батраками бедняков. Запрещение законом XII таблиц личных привилегий (табл. IX, 1—2) исключило и такую частую для древних обществ форму эксплуатации, которая возникала из пожалования частному лицу какой-то части государственной территории и прав на повинности ее населения. В результате единственной широкой возможностью присваивать чужой труд становилась эксплуатация рабов-иноплеменников, стоявших вне всех гражданских институтов, что сделало рабство в его «классической» форме необходимым институтом античного города, а самый этот город рабовладельческим, независимо от числа рабов, имевшихся там в тот или иной период. Растущая потребность в присвоении чужого труда могла удовлетворяться тогда лишь за счет развития рабства.

3. Немаловажной чертой античного города-государства, также обусловленной его особенностями, был характер общественных связей, интеграции индивидов в те или иные коллективы и в государство. Некогда в Риме, видимо, большую хозяйственную роль играли как кровнородственные коллективы (роды, включавшие сородичей, клиентов, а, возможно, и происходивших из обедневших сородичей рабов), так и территориальные (паги, трибы, села). Однако в рамках города-государства они свою экономическую роль утратили, сохранив лишь известное значение в культуре и политической жизни (например, по свидетельству Цицерона⁶ в пагах шла активная предвыборная агитация).

Такое же положение занимали и более новые союзы — поквартальные и соседские организации, профессиональные и культовые коллегии. Они и их лидеры, игравшие большую или меньшую роль в религиозной и общественной жизни, активизировались в периоды острой политической борьбы, но ни в коей мере не стояли между своими сочленами и государством в том, например, смысле, в каком некогда между клиентом и государством стоял патрон первого. Связь сочленов всех этих новых и старых коллективов с государством была непосредственной. Основной социальной и производственной ячейкой города являлась фамилия, и в более ранние времена ее глава представлял ее перед государством. Но посте-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 141.

⁶ Цицеро. De petition. consul., 8.

ленно ее свободные сочлены — потомки *pater familias*, отпущенники — при известных имущественных ограничениях политически также начали вступать с государством в непосредственную связь. Напротив, рабы, до середины III в. н. э. в известной мере отвечавшие за свои действия перед государством, были по закону Аквилія от такой ответственности избавлены (*Dig.*, IX, 4, 2, 1). Единственным законом для них стала суверенная воля господина, ограничивавшаяся в известной мере традицией и общественным мнением, но не правом⁷. Таким образом, опосредствованным связям в городе-государстве не было места: для свободных она становилась непосредственной, для рабов прерывалась вообще.

4. Поскольку античный полис основывался на земельной собственности граждан, в нем отсутствовали противоречия между городом и деревней. Правда, к концу Римской республики можно отметить известное несовпадение интересов городских низов и мелких сельских собственников, несколько презрительное отношение горожан к «деревенщине» и вместе с тем несколько более высокое положение сельских триб (как известно, отпущенники приписывались тогда только к городским трибам и вели активную борьбу за право вписываться в городские трибы⁸). Но, во-первых, Рим того времени не был уже городом-государством, а во-вторых, моменты эти носили скорее случайный, поверхностный характер, а не являлись выражением действительно глубоких противоречий, возникающих в результате эксплуатации городом села. О полном же их отсутствии в более ранние периоды свидетельствует воплощенный в образе Цинцинната и ему подобных исконный римский идеал гражданина — хорошего земледельца, политического деятеля и воина.

Таковы основные черты античного города-государства в период его расцвета. Однако, несмотря на видимую, так сказать, уравновешенность системы, в ней самой были заложены силы, закономерно приводившие к кризису. Сравнительно высокая степень общественного разделения труда вела к развитию товарного производства, что обусловливало имущественное расслоение граждан, неизбежное в обществе простых товаро-производителей. Попытки сохранить их экономическую самостоятельность, во-первых, шли в направлении раздела общественной земли, что лишало мелких собственников необходимых им угодий и в конце концов только ускоряло упадок их хозяйств, разорение и закабаление ростовщиками и крупными собственниками; во-вторых, в направлении агрессивных войн за расширение земельного фонда и увеличение материальных ценностей, которые могли быть употреблены на ту или иную форму субсидий бедноте. Однако войны, даже победоносные, лишь временно и весьма неполно удовлетворяли этим требованиям. Конечным же их и гораздо более ощутимым результатом было ускорение имущественной дифференциации, концентрация средств производства и денег в руках одних, обнищание других и развитие рабовладельческого способа производства. Кроме того, войны в конце концов приводили к включению города-государства в качестве победителя или побежденного в новую, большую и сложную систему — античную державу, наиболее полно представленную Римской империей.

В первые века своего существования империя основывалась на городах, и городские собственники составляли ее наиболее широкую и прочную социальную базу. То были века интенсивной урбанизации, возникновения многочисленных городов, основывавшихся на античной форме собственности, которая, таким образом, несмотря на пройденный ею этап

⁷ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 162—169.

⁸ Там же, стр. 92.

кризиса и разложения в ряде старых городов-государств и в самом Риме⁹, снова укрепляется и играет ведущую роль. В эти века она конституируется за счет естественного или искусственно стимулируемого разложения иных, сосуществовавших с нею в империи форм собственности — кровнородственных, племенных, территориальных общин, собственности крупных землевладельцев разных категорий. Провинциальные общины оттеснялись на худшие земли, суммарно отводившиеся им, как связанному круговой порукой коллективу¹⁰.

Выделение из общин частных владельцев, посессоров, поощрялось законом, сводившим в первые века империи права общин до минимума. На территориях их селились пришлые элементы, приобретавшие земли, чему общины в ряде случаев, видимо, противодействовать не могли и что ускоряло их распад. Когда этот процесс заходил достаточно далеко, т. е. когда появлялся значительный слой посессоров, община получала квази-муниципальную, а затем и муниципальную организацию. Земли крупных провинциальных собственников зачастую конфисковывались и иногда распределялись между сидевшими на них арендаторами и клиентами, иногда поступали в государственный фонд для выведения колоний или организации императорских салтусов, которые в свою очередь, если там создавался достаточный слой посессоров, могли получить городской статус, как, например, Сумелоценна на Рейне¹¹.

Данные римских агрименсоров и многочисленных надписей показывают, что получавшие статус города поселения конституировались именно как города античные. Они получали территорию, из которой выделялась как общественная городская земля, так и участки граждан, статус которых передавался по наследству. В отличие от общинников, деливших между собой в соответствии с обычаями как отведенную им землю, так и наложенные на них повинности, причем их права на землю не были гарантированы и соответствовали узурфрукту и прекарию, граждане города получали точно измеренный и занесенный в кадастр надел, за повинности с которого отвечали персонально. Города пользовались известным самоуправлением, органы которого были те же, что и в городе-государстве. Аналогичными в принципе оставались также права и обязанности граждан и городского управления и характер объединявших их связей. Подтверждением тому служат хорошо известные данные об огромных затратах магистратов и богатых граждан на нужды городов и дары согражданам, о повинностях по снабжению городов продовольствием, регулировании цен и т. п. Распространение по империи городов стимулировало распространение античного рабовладельческого способа производства, общественного разделения труда, античной культуры. О ведущем характере античного способа производства в эпоху Ранней империи свидетельствует тот факт, что разложение сосуществующих с ним укладов приводило к возникновению хозяйств соответственного типа — рабовладельческих вилл, мелких и средних мастерских. В этот период наибольшее для античного мира значение приобретают экономические связи как между отдельными хозяйствами, так и между отдельными областями империи, хотя значение их и не следует преувеличивать: значительная масса продуктов ремесленного и сельскохозяйственного производства поступала в обращение в результате

⁹ Кризис римской республики в связи с разложением античной формы собственности проанализирован в книге: *С. Л. Утченко. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.*

¹⁰ *Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии. М., 1962; ee же. Сельская община Малой Азии. М., 1972; Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961, стр. 30—52; E. Sereni. La comunità rurale nell'Italia antica. Roma, 1955. E. Schulten. Die Landgemeinden im Römischen Reich. — «Philologus», Bd. 53, 1894 A. Schulten. Die peregrinen Gaugemeinden im Römischen Reich. — «Rheinisches Museum», Bd. 50, 1895.*

¹¹ *Schriften der röm. Feldmesser, I, 1848, S. 161; CIL, III, № 6358, 6384.*

внеэкономического принуждения — как взимаемая и распределяемая государством натуральная подать или как натуральная рента с принадлежащих государству земель. Натуральным оставалось и хозяйство в крупных сальтусах.

То обстоятельство, что город стал теперь составной частью империи, изменило его положение по сравнению с эпохой городов-государств, что обусловило со временем возрастающую модификацию античной собственности, а значит — и городского строя. Хотя распространение городов связано было с разложением других укладов, последние отнюдь не были вытеснены окончательно. Наряду с античными, продолжали существовать иные производственные отношения. В общинах могли иметь место отношения равных сочленов, или скрытые и явные формы зависимости одних общинников от других, или, наконец, общины зависели от соседних крупных землевладельцев. В экзимирированных императорских и частных сальтусах преобладала эксплуатация мелких держателей разного статуса — посаженных на землю рабов и либертинов, прекаристов, колонов, арендовавших землю по договору или сидевших на ней по обычаю из поколения в поколение, посессоров, обладавших значительно большими правами на свои участки, но также обязанных повинностями собственнику земли.

Даже в тот период, когда преобладание античного уклада казалось абсолютным, эти неоднотипные с ним уклады оказывали на город обратное влияние. Расширение городской территории, необходимое для поддержания равенства граждан-землевладельцев, лимитировалось соседством территорий общин и экзимирированных сальтусов. Владельцы последних, совмещавшие обычно сельское хозяйство с ремесленным производством и добывавшиеся разрешения устраивать на своих землях ярмарки, выступали конкурентами городского ремесла и торговли; они отвлекали часть городского населения на свои земли и сплошь да рядом распространяли влияние не только на соседние села, но и на мелкие города. Отсюда постоянные столкновения администрации императорских и владельцев частных сальтусов с городскими магистратами по поводу земли, организации частных рынков, повинностей населения и т. д.¹² Кроме того, в отношении внегородских территорий императорская власть и ее военно-бюрократический аппарат всегда выступали как власть непрерывно монархическая, что усиливало и ее позиции в отношении городов, самоуправление которых превращалось в фикцию.

Таким образом, античный город попал в среду, резко отличную от той, в которой существовал город-государство. Для последнего, по крайней мере в принципе, все лежавшее за его пределами было потенциальным объектом захвата, экспансии, необходимой для его воспроизводства и функционирования. В империи, несмотря на постоянную помощь, оказываемую императорами городам, возможности их были ограничены, что не могло не сказаться на жизнеспособности античной формы собственности.

То же изменение среды привело к постепенному разделению гражданского и владельческого статуса. На территории городов появляются группы лиц — *incolae*, — которые владели землей, не будучи гражданами города. С одной стороны, это были граждане других городов, которые вели различные дела вне своей родины и приобретали вне ее земли. Они могли участвовать в народном собрании в качестве особой группы, сепаратно подававшей голоса, по постановлению совета декурионов занимать почетные должности, иногда получать почетное гражданство в не-

¹² Schriften der röm. Feldmesser, I, S. 17, 53, 79, 197; Dig., XXXI, 34, 7; 77, 33; *Plin. Sec.*, Epist., V, 4; AE, 1903, № 243; CIL, IX, № 2827; VIII, № 270; 6357, 8280; II, № 4125.

скольких городах¹³, но, как бы там ни было, взаимообусловленность гражданского и владельческого статуса становилась фикцией. С другой стороны, к *incolae* могли принадлежать также атрибутированные городу племена, владевшие землей на городской территории, но не имевшие городского гражданства¹⁴. Их отношения с городами бывали весьма различными. Наиболее состоятельные из них подчас включали в состав граждан при условии отправления магистратур; иногда города облагали их в свою пользу повинностями, назначая им администрацию из числа граждан; иногда, напротив, они пользовались известным самоуправлением, составляя как бы особую общину, в некоторых случаях сливавшуюся позднее с городом. Выступали такие группы и в качестве арендаторов земель городов и граждан. Но, во всяком случае, несовпадение владельческого и гражданского статуса выступает здесь четко. Оно вело к чуждому античным отношениям противоречию между городом и деревней и разделению городского населения на городской и сельский плебс. Такое разделение обнаруживается уже в некоторых надписях II в.¹⁵ и юридически, видимо, оформляется в середине III в., когда юрисконсульт Модестин дал разъяснение, что проживающий и работающий в поле не является *incola* (*Dig.*, I, 1, 35). Как известно, к началу IV в. различие между городским и сельским плебсом проводится в законах уже постоянно.

Немаловажное значение имело и постепенное исчезновение городского *ager publicus*, служившего общими угодьями. Он либо сдавался в долгосрочную или краткосрочную аренду, либо обрабатывался самим городом, по свидетельству Плиния Младшего, крайней небрежно¹⁶. Постепенно эти земли захватывались частными лицами, хотя императоры и их наместники пытались бороться с данным явлением и возвращать захваченные земли городам¹⁷. Однако приостановить расхищение городских земель не удалось. Соответственно вспомоществование неимущим осуществлялось уже не в форме наделения их землей, а в форме денежных и натуральных раздач. Характер города как коллектива земельных собственников чем далее, тем более изменялся. Земельными собственниками оставались в основном декурионы, муниципальная знать. Значительная и все возрастающая часть горожан жила ремеслом, торговлей, трудом за плату, раздачами. Постепенно стало размываться и сословие декурионов, многие из которых разорялись из-за переобременения хозяйства все возрастающей потребностью в деньгах, не покрывавшейся доходом от имений, в которых производительность труда рабов и арендаторов, работавших за деньги, возрастала слабо или вовсе не возрастала. Параллельно сходили на нет и демократическое устройство городов. Власть переходила в руки верхушки декурионов, сумевших приумножить свое богатство.

На разложение городского гражданства значительное влияние оказывало и выделение из городских территорий имений сенаторов (*Dig.*, I, 22, 4—6; 23). По мере того, как все большее число крупнейших провинциальных землевладельцев получало сенаторское достоинство, истощался городской земельный фонд, и города лишались наиболее богатых и способных поддерживать их граждан.

Изменяются и формы интеграции индивидов в различные коллективы, и характер их связи с государством. С появлением стоящей над городом императорской власти связь с нею гражданина опосредствуется городом.

¹³ *Dig.*, I, 1, 5; 6, 2; 27, 1—2; 37; CIL, II, № 105, 1936—1964, 5439; VIII, № 1641; X, № 5853.

¹⁴ CIL, V, № 532, 875, 5050; *Chatelain*. *Inscr. latin de Maroc.*, № 116; *Dessau*. *Inscr. Lat. Sel.*, № 6753.

¹⁵ CIL, V, № 5262; IX, № 5428; XI, № 6505.

¹⁶ *Plin Sec.*, *Epist.*, VII, 18.

¹⁷ *Schriften der röm. Feldmesser*, I, S. 79; *Dig.*, XXXI, 78; CIL, X, № 1018, 3917, 5813; *AE*, 1945, № 85, 1948, № 1.

Через посредство города он выполняет свои повинности и пользуется императорскими «благоденностями». Вместе с тем с ростом числа проживающих в городе неграждан возрастает и роль их организаций — земляческих, культовых, профессиональных (особенно торговых), непосредственно с городом не связанных, живущих своими интересами. Со временем такой же характер приобретают ремесленные коллегии, используемые государством для своих нужд.

Весьма знаменательными были изменения в отношении фамилии. Для города рабы по-прежнему оставались вне его гражданских институтов, городские магистраты вмешиваться в отношения господ и рабов не могли. Но через голову муниципальной организации стала намечаться и укрепляться связь рабов с императорским правительством, начинавшим видеть в них не только подданных *pater familias*, но и подданных государства. Чем дальше, тем больше вмешивается оно в прежде абсолютно замкнутый и автономный мирок фамилии. С одной стороны, императоры, начиная с Августа, в значительно большей мере, чем республиканское правительство, берут на себя функции подавления рабов, ярчайшим примером чему был знаменитый Силанианский сенатусконсулт, действие которого постепенно все более расширялось (Dig., XXIX, 5). С другой стороны, императоры, также начиная с Августа, но особенно во II и III вв., ограничивают произвол господ, частично признают правоспособность рабов, особенно тех, кто фактически уже стал собственником средств производства и имел то или иное право на получение свободы. Проводившиеся в обоих направлениях меры осуществлялись непосредственно представителями центрального правительства — префектом Рима, президами провинций и их аппаратом. Муниципальная организация оставалась в стороне. Все эти изменения в характере общественных связей еще более способствовали упадку ее значения и разложению гражданского коллектива.

В том же направлении действовал и фактор, обусловленный процессами, шедшими не столько внутри городов, сколько в сосуществовавших с ними укладах, но отразившийся также и на городах, а именно — усиление элемента сословности в социальной структуре империй в целом, что было непосредственно связано с разложением старых сословий и классов. Деление граждан на сословия не было органически присуще античному городу. В Риме оно сохранялось, но в период наибольшего развития товарно-денежных отношений, когда сословная принадлежность определялась не только и не столько происхождением, сколько цензом, сословные рамки стали довольно зыбкими. Твердо и неуклонно сохранялось деление, с одной стороны, на граждан и неграждан (но по мере распространения римского гражданства оно сошло на нет) и деление людей на свободнорожденных, либертинов и рабов, причем превращение свободнорожденного гражданина в раба признавалось абсолютно невозможным, за исключением редких случаев соответственных судебных приговоров. Уже издавна начавшееся расслоение класса рабов приводило к несовпадению классовой и сословной принадлежности известной их части, но оно сглаживалось вольноотпущенничеством, переводившем рабов в сословие либертинов, дети которых уже считались свободнорожденными. Однако к середине II в. н. э. уже столь далеко зашло расслоение свободного гражданства, что правительство легализовало самопродажу в рабство совершеннолетних граждан, санкционируя, таким образом, прежде невозможное сословное изменение их статуса¹⁸. Это был фактический разрыв с одним из основных принципов античной социальной структуры, важнейший шаг на пути к окончательной диссоциации античного, в том числе и городского, гражданства. Конституирование сословий *honestiores* и *humiliores*, в ко-

¹⁸ Dig., I, 5, 5, 1; 21; IV, 7, 9, 4; XL, 3, 3; 4, 2; 12, 7; Cod. Just., V, 9, 10; VII, 16, 5; 17; 28.

торых главную роль снова стало играть происхождение, а не ценз, нанесло ему дополнительный удар.

Таким образом, ко времени домината античный город из коллектива самоуправляющихся граждан-землевладельцев с гарантированной свободой и равенством, хотя бы принципиальным, политических и экономических прав превращается в конгломерат слабо связанных между собою корпораций и индивидов, подчиняющихся центральному правительству или насильно удерживаемых в рамках муниципальной организации, в которой утрачивается небольшая верхушка местной знати¹⁹. Этот город утрачивает черты общины, которые были присущи городу, базировавшемуся на античной форме собственности, и вместе с тем еще не обретает свободы от тех рамок, которые для прежней его структуры были естественны, для новой же стали обременительным анахронизмом.

Упадок городов был вызван в первую очередь кризисом античного рабовладельческого способа производства, зашедшего в тупик, разорением муниципальных собственников и ростом крупного землевладения, которое, будучи несовместимым с чисто рабским трудом, предполагало сочетание крупной собственности с мелким хозяйством более или менее зависимых земледельцев. Поэтому параллельно с деградацией муниципального строя на передний план выдвигаются и укрепляются те уклады, которые давали наибольший простор развитию соответственных отношений, а именно экзимирированные сальтусы и свободные или зависимые от земельных магнатов общины. Ярким признаком того было прекращение возникновения новых городов и, напротив, умножение числа сел на государственных и частных землях. С начала III в. правительство, изменив свою прежнюю политику, все более учитывало и охраняло права общин²⁰, что вызывалось не только фискальными соображениями и выгодами, даваемыми круговой порукой, но и насущными потребностями мелкого сельскохозяйственного производства. Оно могло функционировать лишь при наличии общинных угодий, координации работ, взаимопомощи в трудоемких работах и приобретении дорогого инвентаря, а все это требовало усиления власти общинного самоуправления, права общинников принимать или устранять новых сочленов и т. д. Возрастание числа общин, как и числа крупных сальтусов, вело к натурализации хозяйства, автаркичности этих производственных ячеек, ослаблению экономических и усилению политических бюрократических связей, т. е. создавало предпосылки к тому развитию деспотического государства, которое обычно именуется «ориентализацией империи». Как известно, самоудовлетворяющиеся общины и имения слабо связаны друг с другом экономически, и могут быть объединены только политической властью, что и служит базой «восточного деспотизма»²¹. Позднеримское государство, выросшее на этой основе, пыталось вместе с тем сохранить как общину и город. К тому клонились такие меры, как введение круговой поруки за выполнение повинностей и обработку пустующих земель, прикрепление куриалов к их статусу и т. п. Однако, поскольку фактически город уже черты общины утратил, попытки эти были обречены на неудачу.

К тому же искусственная консервация городов в античном смысле этого слова тормозила развитие отношений, более отвечающих сложившимся условиям и дававших бóльший простор возможному прогрессу.

¹⁹ Процесс перехода власти в руки городской олигархии показан для Греции в кн.: *О. В. Кудрявцев*. Эллинистические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954, стр. 156—204; для Африки — в кн.: *Г. Г. Дилигенский*. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961, стр. 40—48.

²⁰ *Dig.*, X, 1, 7; 3, 7, 1; 4; *Cod. Just.*, III, 37, 1, 1; X, 14, 2; *E. Levy*. *West. Roman Vulgar Law*. Philadelphia, 1951, p. 119; *E. Kaser*. *Das römische Privatrecht*. München, 1955, Bd. I, S. 344.

²¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 312; ср. т. 25, стр. 266—267.

В рамках города эти отношения не имели перспектив. Колон здесь, как бы ни было низко его положение, оставался гражданином и не мог попасть в юридическую зависимость от землевладельца, хотя на практике его личная зависимость от последнего становилась все более крепкой, часто оформляясь как отношения «благотетеля» и «облагодетельствованного», патрона и клиента, могущественного и «маленького», друга, соседей и т. п.²² С другой стороны, раб, посаженный на землю, не мог приобрести прав, приближавших его к зависимому крестьянину, поскольку в коллективе граждан города никаких прав он иметь не мог, оставаясь только собственностью господина. На территории города не было места сельской общине, так как античная форма собственности знала только индивидуальную и принадлежавшую всему гражданскому коллективу собственность и непосредственную связь гражданина с городом, тогда как община предполагает и иной вид собственности, и иной вид связи ее сочленов с государством. Недаром поэтому в эпоху урбанизации правительство стимулировало разложение общин, и, напротив, по мере того как урбанизация прекращается, множится число сел и различных организаций (родовых, племенных, соседских), которые, видимо, также конституировались как общины. Существование хотя бы уже до пределов деформированного античного города задерживало естественный для создававшихся условий отлив городского плебса в сельские местности, где его труд мог бы найти более целесообразное применение. Положение, сложившееся в издавна урбанизированной и рано попавшей в период застоя и кризиса Греции, как оно отображено в знаменитой Эвбейской речи Диона Хрисостома, стало характерным для всех областей с высокоразвитым муниципальным строем: городские земли в значительной мере оставались необработанными, и вместе с тем в городах скапливалось множество безработной бедноты, содержание которой ложилось дополнительным тяжелым бременем на сограждан.

Таким образом, со всех точек зрения античный город становился тормозом для утверждения отношений, развивавшихся в сосуществовавших с ним укладах. Полный простор им мог открыться только с его уничтожением. Это, конечно, не означает, что гибель античной системы предполагала обязательное разрушение городов вообще. Они могли сохраняться и действительно сохранялись как торгово-ремесленные, административные, культурные центры. Могли в них долгое время оставаться и элементы прежнего устройства — магистратуры, курии, становившиеся составной частью административного устройства тех государств, в состав которых вошли старые города. Как известно, в переходные периоды всегда наличествуют более или менее значительные элементы старого, что, однако, не свидетельствует о сохранении основы старых отношений. Города продолжали существовать, но уже не основывались на античной форме собственности.

Можно полагать, что процесс разложения античной формы собственности и тесно связанный с ним обратный процесс возрождения и укрепления общин и крупных имений на внегородских территориях является важнейшим фактором перехода от античности к феодализму, более показательным и симптоматичным, чем, например, изменения в соотношении удельного веса труда рабов и колонов, изменение положения тех и других и т. д. Проходившие на эти темы дискуссии показали, что соответствующие данные источников или неполны, или могут интерпретироваться весьма различно, причем каждая интерпретация опирается на более или менее убедительные аргументы. Почти для любого периода и для любой области Римской империи, а также долгое время и для сменивших ее го-

²² Е. М. Штаерман. Мораль и религия. . . , стр. 58—67.

сударств мы можем найти сведения о существовании как рабства, так и колоната.

Положение затрудняется и ввиду многозначности последнего термина. Для римских юристов он охватывал всех арендаторов земли, состав которых, со всех точек зрения, был очень пестрым. Их положение, роль в данной социально-экономической системе проследить дифференцированно часто невозможно или очень трудно. Столь же трудно судить о соотношении всех этих форм с рабством. Например, говорят о замене труда рабов трудом колонов, но аргументируют это утверждение в общем недостаточно основательно. Обычно ссылаются на знаменитое письмо Плиния Младшего, в котором он сообщает о своем решении сдать имение издольщикам. Но речь там идет не о переходе от труда рабов к труду колонов, а о переходе от денежной аренды, разорившей прежних съемщиков, к аренде издольной. Мы не имеем никаких оснований полагать, что крупные провинциальные салтусы типа известных нам по африканским и малоазиатским надписям, когда-то были рабскими латифундиями, лишь впоследствии разделенными между колонами, ибо в наше поле зрения они попадают только вместе с последними. С другой стороны, мы видим рабовладельческие виллы, по-видимому, оставшиеся таковыми на протяжении всей эпохи империи, хотя и там нередко часть земли сдавалась в аренду. Мы можем утверждать, что в последние века законодательство уделяет основное внимание колонам и что это свидетельствует о возрастании роли именно их труда. Но весьма спорным будет утверждение, что это относится ко всем типам хозяйств. Вполне вероятно, что данный факт объясняется не общей заменой труда рабов трудом колонов, а тем, что на передний план выдвигаются те уклады, те производственные ячейки, в которых мелкие держатели земли всегда играли ведущую роль, хотя собственники земли при этом владели и большим числом рабов — квалифицированных земледельцев, пастухов, ремесленников, слуг, служащих административного персонала.

Те же трудности возникают и при анализе положения в государствах, сменивших Римскую империю, где мы снова встречаем и разные типы хозяйств, и различные категории колонов и рабов.

Наконец, по-видимому, в попытках точно определить, где во множестве переходных форм кончается рабство и начинается феодальная зависимость, будет неизбежно присутствовать тот же осужденный В. И. Лениным педантизм, который был свойствен аналогичным попыткам «с точностью аптекарских весов» определить, где в хозяйствах пореформенной России кончается крепостничество и начинается «чистый капитализм»²³.

С другой стороны, как известно, смена формаций определяется сменой отношений собственности. Для античного мира определяющей была античная форма собственности, воплощенная в античном городе. И, по-видимому, о принадлежности какого-либо общества к античному рабовладельческому можно судить скорее не по положению рабов и колонов, а по характеру существовавших в этом обществе городов и их соотношению с другими формами собственности. Возможно, исследования, проведенные под соответствующим углом зрения, приблизят нас к решению «вечной» проблемы падения античного и генезиса феодального строя.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 46.